

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДОВИЩ

А.КАЗАНСКАЯ*

Клинический случай в печати

При публикации психотерапевтического случая всегда встает проблема конфиденциальности. Для психоаналитика – в особенности, потому что психоаналитику пациент раскрывается особенно глубоко: основное правило психоанализа – свободные ассоциации – предполагает, что анализируемый стремится к полной откровенности. Понятно, пациент должен быть уверен, что клинический материал ни в коем случае не будет опубликован в печати без его согласия. Более того, он должен знать, что даже по собственной его просьбе его случай не будет предан огласке, иначе конфиденциальность анализа и свобода ассоциаций могут оказаться под угрозой: пациент может начать, например, намеренно и неосознанно рисоваться перед воображаемым читателем. Достаточно вспомнить «классическую» пациентку, которая лет через двадцать после лечения с оттенком кокетства призналась психоаналитику Феликсу Дойчу, что это она та самая, которую великий Фрейд описал под псевдонимом Дора (Mahoney, 1987).

Псевдонимы, изменение бытовых деталей (подробнее см.: Томэ и Кехеле, 1996) помогают, конечно, сделать пациента менее узнаваемым, но самую важную роль играет время, которое стирает субъективную актуальность материала. Поэтому психоаналитические случаи обычно и публикуются лет через двадцать после их окончания. А если учесть, что анализ, как правило, длится несколько лет, станет понятным, почему мы – первое поколение российских специалистов, работающих психоаналитически, имея много клинических случаев, лишь единичные из них, и то не полностью, можем представить к публикации. Если, к тому же, сравнить количество психоаналитиков на Западе и у нас, то станет ясно, насколько легче нашему читателю «напасть на след» редкого пациента, которому посчастливилось (или, наоборот, не посчастливилось) находиться в анализе или аналитической психотерапии.

В результате развернутые описания случаев заменяются «виньетка-

* Казанская Анна Владимировна – кандидат психологических наук, член МПО, обучающий терапевт и супервизор совместного курса МПО и Института психотерапии и психоанализа по психоаналитической терапии.

ми», которые, скорее, иллюстрируют, чем обосновывают теоретические положения, излагаемые автором. Таким компромиссом решила удовлетвориться и я. Я буду описывать случай таким образом, что «портрет» моей пациентки окажется более детальным, чем «сюжет» ее терапии. Тем более, что впечатляющих результатов от психоаналитического лечения в данном случае ждать не приходилось и самое большее, что, может быть, удалось, – это способствовать некоторому повышению эмоциональной и социальной адаптации пациентки, страдающей психотическим расстройством.

Я думаю, что описание такого случая практически не менее важно, чем отчеты о случаях психоанализа в полном смысле этого слова, потому что большинство специалистов – врачей и психологов – работает именно в психиатрических клиниках. Многие из этих коллег все больше интересуются психоанализом. Как можно понять психиатрического пациента с точки зрения психоанализа и чем ему можно (или почему нельзя) помочь – актуальная тема.

Лариса двадцати восьми лет

Молодая одинокая женщина, работающая по своей специальности, после окончания технического вуза, год за годом все больше приходила к выводу, что эта серая жизнь среди коллег ее не интересует, и стала искать выхода, который она сформулировала как поиск новых возможностей для души и тела. Она пришла ко мне и параллельно записалась в группу йоги, на курсы повышения женского обаяния (за точное название не ручаюсь), школу танцев, лекции по философии и, кажется, куда-то еще. За поверхностным оптимизмом и воодушевлением скрывались острая тревога и печаль. Вначале она приносила ко мне только оптимизм, а на периоды тоски пропадала из поля зрения на неделю, на две, не предупреждая. Жила она в общежитии без телефона, лежала дома больная (у нее иногда болело сердце, но к врачу она не обращалась) или просто лежала дома, а однажды приехала ко мне, подошла к двери, постояла, прислушалась к звукам внутри квартиры и ушла, о чем позднее мне рассказала.

Я в тот момент, не зная, что она стоит по другую сторону двери, ждала ее с грустным чувством. Хорошо помню все его оттенки, потому что, видимо, это было слишком острое чувство по отношению к пациенту: как будто меня бросили в одиночестве, причем как будто меня бросили *все* пациенты – глобально – и как терапевт я никому не нужна.

Депрессивная сторона внутренней жизни Ларисы стала раскрываться мне только по прошествии нескольких месяцев. Однако на третьем-четвертом сеансе я уже предположила, что у пациентки психоз, по-видимому, не заметный для окружающих. Лариса стала рассказывать, как был погашен один из пограничных конфликтов в советское время. По всему Дальнему Востоку якобы отключили электроэнергию и, скон-

центрировав ее, направили на противника мощный луч лазера. Она проносила это как *луч Лазаря*. Это звучало по-детски, и было похоже на многие примеры использования детьми принципа «народной этимологии», которые приводит, например, Корней Чуковский в книге «От двух до пяти». Дети ищут в непонятных выражениях какого-то объяснимого смысла, подобно тому, как простонародная речь стремится сделать иностранные заимствования более понятными, по-своему переиначивая слова, как, например, «спинжак».

Через несколько сеансов диагноз психоза подтвердился. Пациентка сказала, что прочла статью о «вторичной выгоде от болезни» и поняла, что человек сам виноват, если заболевает. Значит, если не захотеть, то не заболеешь, не постареешь, предусмотритишь любой несчастный случай и никогда не умрешь. Для этого она и записалась на курсы хорошего тона и женского обаяния, чтобы не стареть и всегда быть женственной. Когда живешь в большом городе, этот простой принцип не заметен, однако, например, в тайге очевидно, что погибает только тот, кто проглядел опасность.

Одновременно меня поразили некоторые странные выражения, которые пациентка употребляла при вообще-то грамотной и выразительной речи (см. также: *Казанская*, 1996; 1997; 1998; 1999). Она ошарашила меня на первом сеансе фразой:

Наша мама стала изучать нас русскому языку.

Ее мама преподавала русский и литературу в средней школе. Ее маме не удалось научить ее русскому языку. Я тоже почувствовала себя беспомощной как психотерапевт: психиатрического больного я могу только *изучать*, как мы это делали в юности, работая в ВНЦПЗ. Взаимопонимания не достичь, остается субъективно встать в защитно-агрессивную позицию: белый халат, как броня, металлический ключ, похожий на пистолет, мы только ставим диагнозы, лечить пытаются психиатры, но излечить полностью не могут и они.

Другие странные фразы отражали систему ее бреда: в них, как и в первой фразе, были перепутаны субъекты и объекты, действительный и страдательный залого, активность и пассивность:

Когда надежда рухнула...

Ситуация была для меня трудно терпящая.

Мысли прыгают с одной на другую.

Обрушилась ли надежда сама себя? Лариса ли терпела ситуацию или ситуация терпела Ларису? Является ли ситуация одушевленным существом, способным кого-то терпеть или не терпеть? Мысли прыгают с одного предмета на другой, с одной темы на другую или с самих себя на самих себя?

Такая странная грамматика оставляла открытым вопрос о том, когда субъект имеет возможность воздействовать на мир, а когда, наоборот, субъект вынужден подчиниться не зависимым от него законам природы,

например, умереть.

Беспомощность как терапевта (как матери) оставалась самым ярким чувством контрпереноса, иногда достигая уровня какой-то фатальной безнадежности, как в ситуации нашего стояния по разные стороны двери. Или баррикад? Снова по ассоциации вспоминается белый «маскхалат» и психиатрический «ключ-пистолет»... Борьба с безумием – была когда-то такая книга, не помню, к сожалению, автора.

Иногда фатальная безнадежность обращалась в нечто похожее на фатальную надежду. Например, я ехала в метро, и рядом со мной шел мужчина деревенского вида и, глядя на меня тревожным взглядом, доверчиво поделился своими впечатлениями: «Мне говорили, что в Москве люди плохие, злые, обманщики, но я не думал, что настолько». – «А Вы откуда?!» – спросила я. «Из Сибири». Лариса тоже была из Сибири. Приезжаю домой – и звонит после долгого перерыва Лариса. Хочешь – не хочешь, веришь – не веришь в приметы, а магическое мышление в такой ситуации дает себя знать.

Лариса ходила ко мне около двух лет с перерывами. Со временем количество и длительность перерывов уменьшились. Она стала более контактной, открытой, делилась со мной своими тревогами и печальными воспоминаниями детства. Больше всего мне запомнились сцены одиночества, брошенности. Она, оцепенев, сидит на стуле одна в коридоре квартиры, слушает, не идут ли родители. В коридоре горит свет, а идти в комнаты и там зажечь свет страшно: можно увидеть что-то ужасное.

Она стала делиться со мной многочисленными интимными деталями своей не только душевной, но и телесной жизни. Супервизор, иностранный психоаналитик, сказал мне поразившую меня вещь: «Ты должна все это в деталях обсуждать с ней, как с маленьким ребенком. Как одеваться, как чувствовать себя комфортно... Это же раннее нарушение».

Кстати, одевалась Лариса необычно. Например, зеленые шерстяные рейтузы (именно рейтузы, а не лосины) и белые блузки с кружевами. Она всегда снимала зимние сапоги и проходила несколько шагов до своего кресла в туфлях на шпильках. Мне всегда казалось, что туфли должны быть ей велики и неудобны, как будто вся эта одежда – из маминого гардероба, не хватает только пышной, прозрачной нижней юбки шестидесятых годов. Мамы нет дома, девочка играет в королеву.

Постепенно Лариса стала, кажется, немного спокойнее, отношения ее с родственниками и на работе стали мягче и стабильнее. Безграничный оптимизм, приводивший меня (а вероятно, и других) в трепет, – «Что они так глупо расстраиваются? (о родителях мальчика, получившего тяжелую травму головы). Дураки, надо верить!», – как мне казалось, сгладили.

Потом она стала очень религиозной и оборвала все другие контакты: йогу и прочее. Один раз я встретила ее, проходя мимо церкви. Она приветливо поздоровалась и попрощалась со мной. Приняла ли мысль о

вечной жизни другую форму – более реалистичную? Нет, наверное, это wishful thinking – мысль, исполняющая желание – моя защита от чувств безнадежности и беспомощности.

Грамматические ошибки

Во время терапии Ларисы я еще не занималась систематическим исследованием речевых ошибок, поэтому зафиксировала лишь некоторые из них. Но, судя по дальнейшему опыту регистрации, могу предположить, что в речи Ларисы они встречались гораздо чаще, не ограничиваясь случаями, где смешивались «субъект-объект» (ошибки уровня I), но включая также грамматические и стилистические погрешности, отражающие неточное представление о том, что за существо – человек (уровень II). (Подробнее о типах ошибок см.: *Казанская*, 1998; 1999). Анализ речевых ошибок, на мой взгляд, добавит нечто существенное к пониманию внутреннего мира Ларисы.

Знаменитый (скорее, благодаря Пушкину, чем самому себе) адмирал Шишков считал, что грамматическая погрешность подобна моральному греху, который должен быть наказуем и исправим. Как ни странно, принимая во внимание предложенную Фрейдом модель вытеснения психического конфликта (*Фрейд*, 1901), можно сказать, что в своих воззрениях на грамматику адмирал был не столь уж и не прав. Исключая то обстоятельство, что все действия Шишков считал сознательными и произвольными, в остальном его мнение согласуется с концепцией Фрейда: при неослабном нравственном контроле ошибки не случится.

Согласно Фрейду, невольная оговорка часто возникает именно из-за ослабления контроля Сверх-Я. При этом недоступное сознанию, чаще всего именно морально неприемлемое для сознания содержание внезапно выходит наружу. Вытесняются также и содержания, несущие в себе угрозу безопасности и благополучному существованию Я – слишком тревожащие, пугающие, фрустрирующие в смысле невыполнимости желаний, с которой трудно смириться.

Понятно, что ошибки Ларисы трудно связать с суперэго. Да и с защитой эго их тоже трудно связать.

Ситуация для меня трудно терпящая.

Разве это легче для эго, чем ситуация трудно терпимая? А попробуйте хотя бы с натяжкой связать эту ошибку с концепцией суперэго, – просто ум зайдет за разум! Ситуация меня не терпит, потому что я такая плохая?

Кроме того, сама ошибка в данном случае выглядит как не внезапный прорыв вытесненного, а, скорее, правильное отображение целостной системы мышления. Это – сопутствующее психотическому мышлению нарушение представлений о субъект-объектных отношениях, то есть о причинности, о том, чем вызвано то или иное действие. Можно себе представить, что если система индивидуального мышления не отражает

причинно-следственные отношения реального мира, то выразить эти причинно-следственные отношения языковыми средствами затруднительно, – отсюда большая вероятность грамматической ошибки.

Такую ошибку даже нельзя назвать оговоркой. Во всяком случае, оговорки «по Фрейду» – это нечто иное. По моему опыту, у человека без серьезных нарушений личности такие ошибки, как у Ларисы, очень редки. Они появляются в моменты глубокой регрессии, вызванной острой тревогой. Так, например, сообщая о предстоящей операции, моя пациентка делает такое признание:

Я не хочу быть здоровой, потому что мне надо делать операцию.

Имелось в виду: я хотела бы быть просто здоровой, безо всяких операций.

Грамматика любого языка как раз отражает отношения причинности, а также интенциональности – веками выработаны специальная стилистика, лексика, синтаксис для описания человека с его внутренним миром как существа особого, который тем и отличается от предметов мира неодушевленного, что способен желать, намереваться, действовать.

С этим связаны очевидные отличия мира механического от мира человеческого и, в какой-то степени, животного. Каждый человек или собака – неповторимый индивид (комар уже воспринимается нами как безликий представитель своего вида). Внутренний мир человека принадлежит только ему самому. Ребенок не сразу к этому привыкает, не сразу перерастает изначальный симбиоз: «Ложись на мою подушку, будем вместе мой сон смотреть!» (К. Чуковский, 1955, с.79).

Индивид неповторим и смертен. Ребенку требуется время, чтобы осознать и эмоционально переработать эту истину. И лучше, чем у Чуковского, подтверждений тому не найти.

«Аня, я десять раз смотрел Чапаева, и все он утопает. Может быть, пойти с папой?» (К. Чуковский, 1955, с.103).

«Мама, поехал покойник, а за ним идет большая очередь» (там же, с.101).

Индивид заменим как функция, но незаменим как личность. Это настолько очевидно, что *Анри Бергсон* (1900-1992), исходя из данного положения, сформулировал свой принцип смешного, нелепого. Смешное – проявление механического – в живом. Примеры, им подобранные, говорят сами за себя: «Господин Префект, который всегда был к нам неизменно благосклонен, хотя его и меняли несколько раз с 1847 года...» (А.Бергсон, 1992, с.45).

Алиса семи с половиной лет

Через несколько лет рецензент моей статьи о речевых ошибках, в которой я привела примеры из этого клинического случая, французский психоаналитик Роже Перрон написал мне, что мои примеры иллюстрируют концепцию аутистического развития и инфантильных психозов и

напомнили ему, в частности, его работу об «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Он прислал мне эту увлекательную работу, она называется «Бедная Алиса... о сумасшедшем мире, в который бросил ее Льюис Кэрролл» (Perron, 1997). Фантастические изменения тела, неуверенность в собственном Я, неуверенность в свойствах объектов, исчезновения и появления объектов, деструктурирование времени и пространства, извращение языка и разрушение логики – вот свойства изображенного мира. Воображать или быть воображаемым? Мой ли это сон или это сон черного короля? – спрашивает себя Алиса. И не получает ответа, пишет Перрон.

Р.Перрон вспоминает в связи со случаем Ларисы диалог Алисы с Шалтаем-Болтаем. Остановить смерть, старение, взросление – не это ли советует Алисе Шалтай-Болтай в знаменитой сцене из «Алисы в Зазеркалье»? «Семь с половиной (...) Неудобный возраст, – говорит он, – лучше бы ты остановилась на семи». Далее следует простой и красивый английский каламбур, который не так просто перевести.

«One can't help growing older», – говорит Алиса.

«One can't perhaps», – следует ответ, – «but two can. С соответствующей помощью ты могла бы остановиться на семи годах».

Во французском переводе найдены созвучные слова, передающие каламбур: вместо one-one – on-un.

«On ne peut pas s'empêcher de grandir» –

«Un ne peut pas, peut-etre, mais deux peuvent».

Эта словесная игра столь увлекательна, что хочется перевести самой, не глядя в русскоязычные издания.

«Ни один человек не может не расти». – «Может не расти – если не один. Вдвоем, с посторонней помощью, ты...»

Эта загадочная сцена несет в себе скрытый страшный заряд. «Известно, как в некоторых случаях аутизма и инфантильных психозов создается впечатление, что двоим – матери и ребенку – это удалось: one-can't, but two can...», – пишет Р.Перрон (1997, p.535).

В русском переводе (Демурова, 1991, с.174) прекрасно передан убийственный смысл этого диалога.

«Все растут! Не могу же я одна не расти!»

«Одна, возможно, и не можешь, – сказал Шалтай. – Но вдвоем уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь – и прикончила б все это дело к семи годам!»

Не случайно возникает слово «прикончить», синоним «убить». А не, например, – «покончить с этим» или «остановить это».

Автор перевода пишет в примечании: «Неоднократно указывалось, что это самый тонкий, мрачный и трудноуловимый софизм из всех, которыми изобилуют обе книги. Немудрено, что Алиса, не пропустившая намек, тут же меняет разговор» (там же, с.174). Н.М.Демурова подчеркивает жизнеутверждающий характер Алисы.

Почему-то в детстве «Алиса в стране чудес» мне не попадалась, и я никогда не увлекалась ею. Но такая резкая трактовка Роже Перрона и других аналитиков, работы которых он упоминает, меня удивила. «Бедная Алиса...» Какое же эмоциональное воздействие должна производить «Алиса в стране чудовищ»? Почему книга так популярна?

Я стала спрашивать друзей и коллег, и выяснилось, что «Алису» любят мамы (и читают детям) и не слишком любят папы, хотя не ручаюсь за статистическую значимость этого различия. Мамы, как и Н.Демурова, ценят в «Алисе» жизненную силу, оптимистичность, то, как она побеждает абсурд и во всех опасных ситуациях спасает себя.

Известно, что Кэрролл любил только девочек, а мальчиков совсем не любил. Может быть, папы это чувствуют.

Кроме того, папы вступают в воспитание ребенка, когда он уже не младенец, когда ребенок живет уже в «обычно-человеческом», а не «волшебном-психотическом» мире, когда для ребенка люди – это люди, а звери – звери, вещи – вещи, тарелки не превращаются в птиц, а пудинг разговаривает только в сказке.

Так или иначе, но Кэрролл возвращает Алису в тот «сумасшедший» младенческий мир, с которым, по-видимому, легче совладать матери, чем отцу. Эта психологическая сила и привлекает Доджсона в девочках, считает Роже Перрон. К объяснению этого он привлекает теорию У.Биона, описывающего проективную идентификацию, посредством которой ребенок «вкладывает» в мать свою тревогу для того, чтобы она могла произвести «детоксикацию» преследующих объектов.

Такую детоксикацию с успехом и осуществляет Алиса. Моя пациентка Лариса, пытаясь защититься от глобальной «младенческой» по силе тревоги, тоже пытается обезвредить грамматически и интеллектуально мысли о старении и смерти, но тщетно.

Перрон находит много косвенных подтверждений своей интерпретации. Например, в том, что Чарльзу Доджсону нравились только девочки, но не женщины. «Их "невинность", – пишет Перрон, – превращала их в его глазах в матерей без изъяна, тогда как приближение к пубертату определенно отбрасывало их с этой позиции».

Как самое яркое проявление нелюбви Кэрролла к мальчикам трактует Перрон сцену с младенцем, обратившимся в поросенка. Лучше стать хорошим поросенком, чем «противным мальчишкой».

Перевод и контрперенос

При работе с психозом у психоаналитика всегда возникает острый контрперенос. Если Кэрролл изображает «сумасшедший» мир, то острый контрперенос должен возникнуть и у читателя и, особенно, у переводчика, который глубже погружается в текст и всегда дает собственную его интерпретацию. Переводчик – это тоже аналитик. Хочется пошутить: «контрперевод». В смысле не противостояния оригиналу, а встречного

текста, встречного высказывания¹. Просто перевести нельзя, переводчик всегда вкладывает в текст личное понимание, свое чувство.

У меня в руках три перевода «Алисы в стране чудес» на русский. Самый популярный, кажется, перевод Б.Заходера. Кроме того, перевод В.Набокова, где Алиса названа Аней. И перевод – Н.Демуровой, самый близкий к тексту, самый академичный.

Боясь утомить читателя деталями и цитатами, постараюсь кратко передать свое впечатление от разных переводов, руководствуясь прямой задачей – охарактеризовать «контрперенос» переводчиков. Чем меньше цитат, тем субъективнее будет казаться моя характеристика, обретая все большее сходство с контрпереносом на контрперенос переводчиков. Но в данном случае это не важно, более всего для меня существенно – обрисовать возможные контртрансферные реакции на психотический материал.

Перевод В.Набокова можно назвать рассказом о психозе языком здоровья. Наверное, это несовременно. Недаром сегодня многие воспринимают этот перевод как скучный, устаревший. Переводчик и, как предполагается, читатель, отождествляется с Аней, умной, доброй, находчивой девочкой. Ее реакции, движения ее души не требуют пояснений. Ее чувства описаны простым, стилистически безупречным языком, к которому не придерется ни один редактор, ни одна учительница:

«В ту же минуту Аню охватило странное ощущение...» (1991, с.72).

Находим это место у Б.Заходера (1991, с.159): «Как раз в эту минуту Алиса почувствовала, что *в ней* происходит что-то странное».

В школе вам бы исправили на «*с ней* происходит что-то странное». У Заходера – авторский стиль, позволенный только художникам. В отличие от Набокова, он как будто исследует «сумасшедший» мир, хочет сам погрузиться в него, ищет нетрадиционные средства его описания, наслаждается этим как интересной интеллектуальной задачей. Местами перевод Заходера становится сродни черному юмору, от которого читатель может получать специфическое удовольствие:

«...огромной сковороде, которая пролетела у ребеночка перед самым носом...».

Мы уже не смотрим на все взглядом Алисы, дающим нам безопасную точку отсчета. Иногда мы даже забываем, какова ее позиция. В сцене с поросенком переводчик, чтобы объяснить нам логику действий Алисы, вынужден заметить, что она «добрая девочка» (*там же*, с.89), иначе, видимо, не понятно, зачем она так долго возилась с этим младенцем.

¹ Эти соображения заставляют поспорить с предложенным, вместо неуклюжего по-русски «контрпереноса», термином «противоперенос» (А.Ф.Усков – в этом номере журнала). Ведь имеется в виду не противопоставление переносу, а именно встречный перенос аналитика. Между прочим, в толковом словаре английского языка (Webster, 1973, p.257) приведено целых три значения приставки counter-: 1. противоположность, оппозиция (counterclockwise – против часовой стрелки); 2. дополнительность, соответствие (например, counterweight – противовес, counterpart – двойник, копия); 3. замена, дубликат (counterfoil – отрывная часть билета). Слово «контрперенос» предполагает, скорее всего, второе значение приставки – перенос у аналитика, соответствующий переносу у пациента. Поэтому предлагаю, за неимением лучшего, оставить термин «контрперенос».

В напоминании о том, что Алиса – добрая девочка, не возникает необходимости ни у Набокова, ни у Демуровой. Это ясно без слов: добрая, умная, симпатичная девочка. Демуровой можно верить: слова «добрая» не было и у Кэрролла. Хотя, думаю, Заходер отразил что-то существенное, что присутствует и у Кэрролла: Алиса скрутила младенца в узел и схватила за правое ушко и левую ножку, уподобившись этим жестом жестоким обитателям страны чудовищ. Здесь Кэрролл не выдержал, сказал бы, наверное, Р.Перрон, и позволил идеальной Алисе, идентифицируясь с «сумасшедшим миром», проявить агрессию – ведь это младенец мужского пола.

Итак, *погружение* (Б.Заходер), *отстранение* (В.Набоков) и попытка *объективной регистрации* (Н.Демурова) – вот эмоциональные ответы переводчиков на текст Льюиса Кэрролла. Иными словами, регрессия, выход из нее и интеллектуальная переработка – психоанализ должен включать все эти состояния и переходы. При работе с психозом соблюдать данное требование очень трудно. Возникает опасность острого контрпереноса, или полного эмоционального дистанцирования, или проекции своего, не сумасшедшего, внутреннего мира вместо интерпретации психотического.

Алиса побывала в стране чудес и вернулась оттуда невредимой, преодолев все препятствия. Она миновала все ловушки, решила все шарады, она победила, – а, может быть, просто отвергла – логику абсурда. Лариса осталась жить в стране чудес, в стране чудовищ, сражаясь с опасностями, находя и теряя временные убежища от них. Быть может, и психотерапия была для нее, хотя бы на время, хотя бы отчасти, таким убежищем.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А. Смех. М., «Искусство», 1900/1992.
- Казанская А.В. О чем говорит речь? МПЖ, N 2, 1996.
- Казанская А.В. Поговорим о себе. МПЖ, N 2, 1998.
- Казанская А.В. Мотивационные аспекты речевых ошибок // В сб.: «Языковое сознание: формирование и функционирование» под ред. Н.В.Уфимцевой. М., Институт языкознания РАН. 1998.
- Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии. М., «Класс», 2000.
- Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Изд. Демуровой Н.М. М.; «Наука», 1991.
- Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сказка, рассказанная Борисом Заходером. Н. Новгород, Волго-Вятское кн. изд-во, 1993.
- Кэрролл Л., Набоков В. Аня в стране чудес. М., «Сов. Композитор», 1991.
- Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Тт. 1, 2. М., «Прогресс»,

1996.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // В сб.: Психология бессознательного. М., «Просвещение», 1901/1990.

Чуковский К.И. От двух до пяти. М., «Советский писатель», 1955.

Kazanskaia A. (1997) Speech errors in Free association and Primitive Defense Mechanisms. Paper presented at the Spring Meeting of the Division of Psychoanalysis (39) of the American Psychological Association. Denver, Co., February.

Kazanskaja A. (1999) Was fuer ein Fehler? In: Psychoanalyse: Grenzen und Grenzoeffnung. Festschrift zu Ehren van Prof. Dr. H.-V. Werthmann, Thomas Resch Hg., Brandes und Apfel. Frankfurt, ss.127-138.

Kazanskaia A. (2000) Verstaendigung und Missverstaendnis beim Uebersetzen; In: Psychotherapie in Zeiten der Veraenderung, Westdeutscher Verlag, s.441-444.

Mahoney P.J. (1987) Freud as a Writer. Yale University Press, New Haven and London.

Perron R. (1997). Pauvre Alice... sur le monde fou ou la jeta Lewis Carroll., Revue francaise Psychanalitique, n.2, p.534-546.